

A vibrant, detailed illustration of a young girl with light brown hair, wearing a red knitted hat, a red scarf, and an orange dress over a blue shirt. She has a black backpack and is standing in a lush garden filled with various flowers, including red roses and yellow daisies. In the background, there are several wooden houses with gabled roofs, set in a forested area. The overall scene is bright and colorful, suggesting a sunny day in a rural setting.

**Анюта в деревне
у дедушки.
Сборник 1**

Артем Новых

Артем Новых

Анюта в деревне у дедушки. Сборник 1

<https://litres.ru/74130353>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это полная сага о приключениях третьеклассницы Анюты, которая открывает для себя удивительный мир подмосковной деревни Ольховка. От первых летних ягод до глубоких зимних сугробов — каждый сезон становится для девочки школой жизни, где вместо учебников — сама природа, а вместо учителей — мудрый дедушка и верные друзья.

Всё начинается с солнечного июня. Анюта знакомится с «Клубом Четырех Колес», ищет загадочные клады в старом саду и спасает заблудившихся животных.

Октябрь приносит в Ольховку туманы и запах спелых яблок. Анюта учится различать деревья на ощупь на школьной ярмарке, защищает бабушкины астры от первых заморозков и побеждает свой самый большой страх на вершине старой мельницы.

Зимняя Ольховка — это мир ослепительного снега и суровых морозов. Анюта сталкивается с настоящей стихией: снежным пленом, замерзшим хлевом и отсутствием света в новогоднюю ночь.

Короткие весенние каникулы и майские праздники наполнены шумом ручьев и ароматом цветущих садов.

Содержание

Лето	5
Анюта в деревне у дедушки	5
Потерялся барашек	15
Один рубль и ещё немного	22
Тайна старого дуба	31
Поиски клада	38
Малиновый день	43
Праздник воды	50
Звёздная рыбалка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анюта в деревне у дедушки. Сборник 1

Лето

Анюта в деревне у дедушки

Анюта прижалась носом к стеклу ещё за километр до деревни. Ей было восемь лет, и впереди лежало целое лето. За окном плыли берёзы — белые стволы мелькали ровно, как штрихи, — потом потянулись огороды с тёмными полосами грядок, потом пошли заборы.

Папина машина свернула с асфальта на грунтовку, и сразу затрясло. По кузову застучали мелкие камешки. Анюта засмеялась и схватилась за ручку над дверью — кулак побелел. Коробка с вещами на заднем сиденье съехала вбок и ткнулась ей в плечо.

— Приехали, — сказал папа и затормозил у синей калитки.

Дедушка Анатолий уже стоял во дворе — в клетчатой рубашке, кружка в руке, седые волосы на солнце. Бабушка Людмила вышла следом, вытирала руки о фартук в мелкий цветочек.

Анюта выскочила из машины раньше, чем папа успел заглушить мотор. Под ногами загремели бетонные плитки дорожки, тёплые и чуть пыльные. Она с разгону уткнулась дедушке в живот — в рубашку, пахнущую деревом и молоком.

— Ого, — сказал дедушка. Поставил кружку на столбик забора — та тихонько звякнула. — Вот это гостя приехала.

Бабушка обняла её крепко, поцеловала в макушку. От неё шло тепло и запах печёного — сдобное, ванильное, с корочкой. Анюта зарылась носом в фартук и на всякий случай спросила:

— Бабуль, а что на обед?

— Успеешь, — засмеялась бабушка. — Дай хоть вещи занесите.

Двор был такой же, как в прошлом году. Жулька дремала у будки, свернув хвост калачом, — открыла один глаз, увидела Анюту и приподняла ухо. Кот Васька сидел на крыльце и жмурился на солнце, будто всё лето только этим и занимался. Вдоль забора тянулись огуречные грядки — листья широкие, с пушком, под ними желтели цветки. А подсолнухи у угла дома вымахали такие, что Анюта едва доставала им до пояса. В прошлом году они были ей по плечо.

Папа поставил чемодан с вещами наземь, пожал дедушке руку, они пошли в дом. Папа попил чаю и засобирился обратно — в городе ждали дела. Скрипнула дверь, хлопнула калитка, затих шум мотора за поворотом.

Анюта осталась одна во дворе. Подошла к Жульке, присе-

ла на корточки. Жулька ткнулась носом ей в ладонь — нос был мокрый и прохладный — и завилыла хвостом так, что вся задняя часть туловища ходуном пошла.

— Я на всё лето, — сообщила ей Аня. — Так что привыкай.

Жулька лизнула её в запястье. Где-то за забором проехал трактор — дальний, тархтящий, потом стих. Пахло прогретой землёй и чем-то зелёным, огородным.

Аня прожила в деревне три дня, прежде чем поняла, что здесь всё устроено иначе, чем в городе.

Утром бабушка Людмила будила её в семь — не будильником, а запахами. Сначала в окно просачивался дым из трубы соседской бани — лёгкий, берёзовый. Потом со двора тянуло свежим хлебом: горячим, с поджаристой коркой. Аня лежала, смотрела в белёный потолок, по которому ползло утреннее пятно света, и несколько секунд соображала, где находится.

Потом вскакивала и бежала на кухню босиком — пол был прохладный, доски поскрипывали под пятками.

За завтраком дедушка Анатолий объяснял ей устройство деревенского дня. Корову доят рано. Огород поливают до жары. Вечером — прополка. Аня сидела напротив, локти на столе, кружка с молоком в руках, и слушала серьёзно, кивала.

На второй день она попросилась на огород.

— Можно мне грядку? — спросила она у бабушки. —

Свою, чтобы я сама.

Бабушка дала ей ведро для травы и выделила грядку с морковкой. Тёмная земля была мягкая, чуть влажная, на пальцах потом оставалась чёрная каёмка под ногтями. Анята прополола грядку за час, перепутала морковную ботву с сорняком и выдрала с десяток всходов — но остальное оставила в целости. Бабушка похвалила её и ни слова не сказала про выдранную морковку.

На третий день Анята пошла с дедушкой на реку.

Они устроились на низком берегу, где корни ивы выпирали из земли узловатыми коленями. Дедушка Анатолий насадил червя, закинул удочку и замолчал — надолго, как умеют молчать только люди, которым это не в тягость. Поплавок покачивался на тёмной воде. Стрекоза зависла над камышом, потом сорвалась и пропала. Анята сидела рядом на бревне, гладком и горячем от солнца, смотрела в воду и думала, что в городе такого не бывает: чтобы вот так тихо, только вода плещет под берегом, и никуда не надо.

Домой несли четырёх окуней в ведре — те тыкались в железные стенки, блестели серебряной чешуёй.

На четвёртый день она нашла ребят.

Точнее, они нашли её сами.

Анята сидела на заборе у калитки, болтала ногами над пыльной дорогой и щурилась от солнца. По улице прошли трое. Мальчишка лет восьми — стриженный, в майке с динозавром, на локте свежая ссадина. За ним — девочка при-

мерно того же возраста, с тугими косичками и сбитыми коленками. Следом тащился мальчик лет шести, прижимая под мышкой облезлый футбольный мяч.

Они остановились и посмотрели на неё.

— Ты к Анатолию Петровичу приехала? — спросил стриженный.

— Я его внучка, — сказала Аня. — Аня.

— Митька, — сказал мальчишка и кивнул назад, через плечо. — Это Дашка. Это Лёнька.

Лёнька обхватил мяч обеими руками и смотрел на неё снизу вверх — она всё ещё сидела на заборе.

— Ты городская, — сказал Митька. Сказал спокойно, как говорят про погоду: дождь, не дождь.

— Ну и что? — сказала Аня.

— Ничего. Городские не умеют ничего.

Аня слезла с забора. Ноги приземлились в сухую пыль, она почувствовала её тепло сквозь сандалии.

— Чего не умеют?

Митька пожал плечами — лениво, будто отвечать-то и не обязательно.

— Ну. Коров не видели. Рыбу не ловили. Грибов не знают.

— Я вчера рыбу ловила, — сказала Аня. — Четыре окуня.

— С дедом не считается, — сказал Митька. — Это он ловил.

Аня набрала воздуха, чтобы ответить, — и тут мяч по-

катился.

Лёнька упустил его как-то разом: подхватил поудобнее, не удержал, и тот стукнул о сухую землю, прыгнул раз, другой и нырнул в канаву. Лёнька кинулся следом, споткнулся, грохнулся на колени, поднял голову — мяча уже нет, только крапива шевелится по краям.

Все четверо устались вниз. Канавка уходила глубоко; по склону густо торчала крапива, широколистная, сизоватая. На дне, в жидкой грязи у дальней стенки, лежал мяч — спокойно, как будто никуда и не торопился.

— Достань, — сказал Митька Лёньке.

Лёнька потёр коленку и шмыгнул носом.

— Сам достань.

— Я говорила, сапоги надо было взять, — сказала Дашка и почесала сбитое колено.

— Да тут и без сапог, — сказал Митька. Но вниз не полез, только сощурился на крапиву.

Анюта смотрела на мяч. Рукой не достать — далеко. Ногой в канаву — крапива обожжёт до колена. Нужно что-то длинное.

Она обернулась на двор. У ворот, прислонённые к столбу, стояли дедушкины грабли — длинные, деревянный черенок светлый от солнца.

Анюта принесла их, легла животом на край канавы — трава под локтями была жёсткой и чуть влажной снизу — и сунула черенок вниз. Зацепила мяч, потянула, придерживая

пальцами, чтобы не соскочил, подтащила к краю и подхватила рукой. Когда встала, на майке тянулась бурая полоса — земля с глиной, с запахом сырости.

— Держи, — сказала она и протянула мяч Лёньке.

Лёнька взял и несколько секунд смотрел на неё не мигая — как смотрят, когда ещё не решили, удивляться или нет. Митька молчал. Солнце припекало в затылок, где-то за огородами куковала кукушка.

— Грабли, — сказал Митька наконец.

— Ага, — сказала Анята.

— Умно. — Он произнёс это ровно, без смешка, как отмечают что-то верное в задачке.

Дашка подошла, наклонила голову набок и оглядела полосу грязи на майке — внимательно, по-хозяйски.

— Замочи сразу, пока не высохло, — сказала она. — А то потом не отстираешь.

— Знаю, — сказала Анята, хотя не знала.

Митька почесал затылок — длинная секунда, пока он что-то там решал.

— Ладно. Мы на луг идём, в футбол. Хочешь?

Анята пожала плечами — медленно, будто подумывает и то и сё.

— Пойду скажу бабушке, — сказала она.

Луг лежал за околицей, за старой ветлой с тёмным дуплом посередине ствола. Трава там была низкая и жёсткая — вытопанная за прошлые лета так, что кое-где проглядыва-

ла серая земля. По краям луга стояли лопухи, но в середине было открыто и ровно. Ворота обозначали две куртки, брошенные прямо на землю.

Играли два на два: Митька с Дашкой против Анюты с Лёнкой. Лёнка носился быстро, только то и дело кувыркался в траву — вставал, отряхивал коленки и снова бежал. Анюта держалась уверенно: в городе два раза в неделю она ходила на танцы, и ноги привыкли слушаться, куда им говорят.

Митька забил два гола подряд — первый пролетел низом у самой земли, второй ушёл в угол так резко, что Лёнка только проводил его взглядом.

— Счёт два — ноль, — объявил Митька громко, развернулся и пошёл к центру, чтобы уж точно слышали все.

— Сами видим, — сказала Анюта.

После третьего гола Лёнка сел в траву, вытянул ноги и сообщил, что устал. Грудь у него ходила часто, колени были зелёными от травы. Анюта встала в ворота. Митька отступил, прищурился, разбежался и ударил — мяч пошёл низко и точно, прямо в правый угол.

Анюта прыгнула. Трава ударила в ладони вместе с мячом; она почувствовала его круглую тугость сквозь пальцы и покатила на бок. Встала, отряхнула руку о шорты.

Митька стоял и смотрел на неё.

— Ты в секции занималась?

— Нет, — сказала Анюта. — Просто прыгнула.

Дашка засмеялась — звонко, запрокинув голову. Лёнька захлопал в ладоши прямо с травы, не вставая.

Митька помолчал секунду. Над лугом плыло облако, тень от него скользнула по траве и ушла за лопухи.

— Нормально, — сказал он и кивнул.

Это было его главное слово — Анюта уже успела понять. Когда Митька говорил «нормально», голос у него становился ровным, без подъёма, как когда подводят черту под решённой задачей. Значит, хорошо. Значит, можно.

Играли до вечера. Солнце опустилось к верхушкам берёз за лугом, трава стала холоднее под ногами, и тени от лопухов вытянулись длинными тёмными языками по земле. Домой шли все вместе — до угла, где просёлок расходился надвое. Митька нёс мяч под мышкой; пыль под кедами поднималась мелкими тихими облачками.

— Завтра с утра на реку, — сказал он. — Мы там плот строим. Придёшь?

— Приду, — сказала Анюта.

Лёнька помахал ей обеими руками сразу и потопал за братом — зелёные колени, развязанный шнурок. Дашка перед тем как уйти обернулась и сказала, чтобы майку правда замочила — строго, но не сердито, как говорят о чём-то само собой разумеющемся.

Анюта свернула к дедушкиному двору, толкнула синюю калитку. Та скрипнула привычно. Бетонные плитки дорожки были ещё тёплыми от дня.

На крыльце спал Васька, свернувшись так, что хвост лежал поверх носа. Из кухни в открытое окно тянуло щами и укропом.

Анюта остановилась посередине двора. Над огородом медленно темнело небо, первая звезда едва-едва проклёвывалась над баней. Где-то за огородами всё ещё куковала кукушка — тихо, последний раз за день.

Лето начиналось по-настоящему. Анюта это точно знала.

Потерялся барашек

Утро пахло травой и парным молоком.

Анюта проснулась сама, без будильника. За окном уже светило — не ярко, по-утреннему, — и где-то близко кудахтали курица. Где-то дальше мычала корова — протяжно, сонно. Обычное утро. Анюта натянула шорты, сунула ноги в сандалии и вышла на крыльцо.

Васька спал на своём месте, свернувшись у перил. Жулька у будки завиляла хвостом, но не залаяла — привыкла уже.

На столе под навесом стояла кружка и лежала горбушка хлеба. Бабушка всегда оставляла что-нибудь на утро, не спрашивая. Анюта откусила хлеб, запила молоком из кружки — холодным, прямо из погреба — и огляделась.

И только тогда поняла: что-то не так.

Дедушка Анатолий шёл от сарая к забору быстро, почти бегом. Анюта замерла с кружкой в руке. Она никогда не видела, чтобы дедушка ходил так быстро. Он всегда двигался неторопливо, будто у него всё время в запасе. А тут — спешил, и кружки в руке не было.

Бабушка вышла из дома в фартуке, но не в огород. Она встала посреди двора и посмотрела в сторону луга. Между бровей у неё залегла тонкая морщинка, которой Анюта раньше не замечала.

— Анатолий, — позвала бабушка.

Дедушка обернулся. Они переглянулись — молча, — и дедушка махнул рукой: не нашёл.

Анюта поставила кружку.

— Бабушка, что случилось?

Бабушка Людмила помолчала секунду. Потом сказала:

— Зорька пропала.

— Кто?

— Барашка наша. Молоденькая, пёстренькая. С вечера была на месте, а утром — нет.

— Она убежала?

— Или выбралась. Или кто помог. — Бабушка поджала губы. — Дедушка всё утро ищет. Я уже по огородам прошла — нет нигде.

Анюта посмотрела на дедушку. Тот стоял у ворот, смотрел на дорогу и не улыбался. Совсем.

— Я тоже буду искать, — сказала Анюта.

Бабушка кивнула, но так — не отговаривая и не надеясь особенно.

Митька и Дашка сидели на брёвнах у магазина. Лёнька гонял мяч по пыли рядом.

— У нас барашка пропала, — сказала Анюта, подходя. — Зорька. С ночи нет.

— Зорька? — Митька поднял голову. — Анатолия Петровича барашка?

— Да.

— Она белая с коричневым пятном на боку?

— Не знаю. Я её не видела.

— Я видел такую вчера вечером, — сказал Митька. —

Они с дедом на луг водили.

— На каком лугу?

— За речкой. Там ещё старая ива упала через воду — мы по ней ходим.

Анюта достала из кармана блокнот. У неё был блокнот с ручкой на резинке — она взяла из дома, на всякий случай. Случай нашёлся быстро.

— Значит, последний раз её видели на лугу за речкой, — сказала она и записала. — Вечером.

Лёнька перестал пинать мяч и уставился на блокнот.

— Зачем пишешь?

— Чтобы не забыть. — Анюта посмотрела на Митьку. —

Покажешь, где ива?

Они пошли вчетвером.

Трава у речки была мокрая — роса не высохла. Анюта намочила сандалии сразу, на первых шагах. Лёнька поскользнулся на берегу, но устоял.

Ива и правда лежала через воду — толстая, со сбитой корой. Анюта прошла по ней, балансируя руками. С той стороны открылся луг: широкий, с густой травой по колено.

— Вот тут они паслись, — сказал Митька.

Анюта опустилась на корточки. В траве была примятость — широкая, круглая. Рядом — следы копыт в сырой земле у берега.

— Она точно тут была, — сказала Анята. — Смотрите. Дашка подошла, присела рядом.

— А вон там забор Кузьмичёвых, — сказала она и показала в сторону. — Если пролезла — могла к ним уйти.

Анята посмотрела на забор. Нижняя доска была отогнута — давно, видно, не первый раз так.

— Надо проверить, — сказала Анята и записала в блокнот: *забор Кузьмичёвых, отогнутая доска.*

Лёнька уже лез под забор.

— Лёнь, подожди! — крикнул Митька.

Но Лёнька уже был с той стороны.

— Тут следы! — донеслось оттуда. — Много!

Двор у Кузьмичёвых был большой и заросший. Старая яблоня, поленница, у стены дома — перевёрнутое корыто.

Следов копыт на земле хватало. Анята шла и смотрела под ноги. Следы вели вдоль забора, потом поворачивали к огороду.

— Она тут топталась долго, — сказала Анята. — Видите, как натоптано?

— Может, Кузьмичи её уже нашли? — сказала Дашка.

— Тогда бы дедушке сказали.

Анята остановилась у огорода. Грядки были перекопаны, в одном месте земля примята сбоку. Рядом — клочок шерсти на нижней жерди старой деревянной загородки.

Белой шерсти. С рыжеватым — как Митька говорил.

Анята потянула клочок осторожно. Посмотрела на свет.

— Это её, — сказала она.

Лёнька подошёл ближе и уставился на клок у неё в пальцах.

— Откуда знаешь?

— Белая с коричневым. Митька ещё у магазина сказал. — Анята убрала шерсть в карман блокнота. — Она здесь была. И пошла дальше.

Они прошли через весь огород. За ним начинался пустырь — высокая трава, бурьян, ржавая бочка у дальнего края.

— Вот там, — сказала Дашка тихо.

За бочкой что-то шевелилось.

Анята остановила Лёньку за плечо.

— Тихо. Не бежать.

Она пошла первой — медленно, не по прямой, а чуть в сторону, огибая бочку. Так дедушка ходил к лошадям на выгоне — она видела однажды.

За бочкой, в примятой траве, лежала барашка. Небольшая, белая, с тёмным пятном на правом боку. Нога у неё была чуть подогнута — видно, устала и легла.

Анята присела.

Барашка подняла голову и посмотрела на неё.

— Зорька, — сказала Анята негромко.

Барашка не убежала.

Анята протянула руку, подождала секунду. Барашка потянулась носом и ткнулась в ладонь — мокро и тепло.

— Есть, — сказал Митька за спиной.

Дедушка Анатолий шёл им навстречу от ворот — видно, заметил издалека. Он не прибавил шаг, но Анята видела: смотрит внимательно, не отрываясь.

Она вела Зорьку на верёвке — Митька дал свою, которая всегда была у него в кармане непонятно зачем.

Дедушка остановился, посмотрел на барашку. Потом на Аняту.

— Нашли, — сказал он.

— У Кузьмичёвых на пустыре, — сказала Анята. — Через дыру в заборе пролезла. Надо доску прибить.

Дедушка помолчал секунду.

— Прибьём, — сказал он.

Больше ничего не сказал. Взял верёвку аккуратно, потрепал Зорьку по шее. Потом повернулся к Аняте — и молча положил ладонь ей на плечо. Тяжёлую, тёплую. На секунду задержал — и убрал. Кивнул ребятам.

Это тоже было что-то вроде «нормально».

Бабушка Людмила встретила их у калитки. Увидела Зорьку, закрыла рот ладонью, потом засмеялась.

— Батюшки! Нашли!

Она потрогала барашку, проверила — целая ли. Потом посмотрела на четверых пыльных, мокрых по колени детей.

— Всё, идите мойте руки. Живо.

Через полчаса они сидели под навесом за длинным столом. Бабушка выносила противень за противнем. Пирожки были с картошкой — румяные, горячие. Дашка взяла сразу

два. Лёнька уронил один в траву, поднял и всё равно съел. Митька жевал молча и поглядывал на Анюту — без насмешки, просто поглядывал, будто что-то про неё теперь знал.

Анюта держала пирожок в обеих руках и смотрела, как дедушка несёт воды Зорьке в жестяном ведре. Поставил ведро, распрямился и задержался у загородки — стоял и смотрел, как барашка пьёт. Долго. Как смотрят на то, что едва не потеряли.

Васька вышел на крыльцо, потянулся и снова лёг.

Один рубль и ещё немного

Анюта проснулась от запаха.

Не сразу поняла — чего. Лежала, смотрела в потолок. Потом поняла: картошка. Бабушка жарила картошку.

За окном было светло. Васька сидел на подоконнике и смотрел во двор. Хвост у него свешивался вниз и чуть подрагивал на конце.

Анюта встала, сунула ноги в сандалии и пошла умываться.

Умывальник висел на улице, у крыльца — жестяной, с носиком. Вода была холодная, почти ледяная. Анюта фыркнула, вытерлась краем майки.

Жулька у будки завиляла хвостом.

— Привет, — сказала Анюта.

Жулька потянулась носом.

На кухне бабушка стояла у плиты. Сковородка шипела. На столе уже лежал хлеб, стояла кружка с молоком и блюдце с огурцом, порезанным кружками.

— Садись, — сказала бабушка, не оборачиваясь.

Анюта села. Молоко было холодное — из погреба. Огурец хрустел.

— Бабушка, а дедушка где?

— В огороде.

Анюта посмотрела в окно. Дедушка шёл между грядками с тяпкой. Медленно, но ровно. Останавливался, наклонялся,

шёл дальше.

Она доела, отнесла кружку к раковине.

— Мне что сделать?

Бабушка обернулась.

— Яйца собери. Куры уже снесли, наверное.

Курятник стоял за сараем. Анята зашла — пахло сеном и чем-то кислым. Три курицы покосились на неё и отошли в угол. Одна осталась сидеть на месте и квохтала.

— Ну, — сказала Анята.

Курица не двинулась.

Анята осторожно сунула руку под неё — курица дёрнулась, но не клюнула. Под ладонью оказалось два яйца. Тёплые.

Она собрала все — пять штук — в подол майки и понесла в дом.

Бабушка приняла яйца, пересчитала.

— Молодец.

Потом бабушка попросила прополоть грядку с морковкой. Дала перчатки — большие, Анята в них утопала, но надела.

Она встала на колени у грядки и начала тянуть траву. Земля была мягкая после утреннего полива, стебли вытаскивались легко. Анята работала аккуратно — смотрела, чтобы не задеть морковную ботву.

Дедушка прошёл мимо с тяпкой. Глянул.

— Хорошо тянешь, — сказал он.

Анята не ответила, только потянула следующий пучок.

Солнце уже поднялось выше и грело спину. Где-то в деревне тархтел трактор. Жулька лаяла на кого-то за забором — коротко, без интереса.

Анюта вытерла лоб перчаткой и огляделась.

Грядка была почти чистая.

Она встала, размяла ноги и пошла к дедушке — спросить, что ещё нужно сделать.

Он стоял у колодца.

Дедушка поднимал ведро с трудом.

Анюта заметила это случайно — вышла за стаканом воды и увидела в окно: дедушка Анатолий стоял у колодца, обхватив рукоятку ворота обеими руками, и тянул медленно, с остановками. Ведро было полное. Вода плескалась через край и падала обратно в темноту.

Она вышла на двор.

— Дедушка, а насос где?

— Сломался, — сказал он. — Ещё в мае.

— А новый?

Дедушка поставил ведро. Потёр поясницу.

— Дорогая, Анюта. Пока что так.

Она посмотрела на огород. Грядки тянулись до самого забора — помидоры, огурцы, редиска, зелень. Всё это нужно было поливать каждый день. Два ведра, три ведра, пять. Туда и обратно.

Бабушка Людмила вышла из дома с лейкой.

— Людмил, дай я, — сказал дедушка.

— Сиди, — сказала бабушка.

Анюта смотрела, как бабушка идёт к колодцу.

За ужином она молчала и думала.

Насос стоил много — дедушка сказал сколько, и она запомнила цифру. Просить у папы не хотелось: папа уехал, и звонить только ради денег было как-то неловко. Да и бабушка с бабушкой не просили — они просто таскали вёдра и молчали.

Анюта посмотрела на огород. Потом на рядки помидоров. Потом на бабушкины банки с молоком на подоконнике.

У неё в голове что-то щёлкнуло.

Утром она пришла к Митьке.

Он сидел на заборе и грыз яблоко.

— Митька, — сказала Анюта. — У вас в деревне рынок есть?

— Ну есть. В субботу. А что?

— Как на нём продают?

Митька посмотрел на неё.

— Приходишь, ставишь на стол, говоришь цену.

— И всё?

— И всё. — Он пожал плечом. — Только место надо занять с утра, а то не достанется.

Анюта кивнула.

— Поможете мне?

— Это смотря что делать.

— Торговать.

Митька прожевал яблоко.

— Приходи в субботу в семь, — сказал он.

В пятницу вечером они с бабушкой собрали всё, что поспело: огурцы — зелёные, пупырчатые, холодные на ощупь; помидоры — часть красные, часть ещё с бочком; редиску — тугую, с хвостиками; зелёный лук. Бабушка помолчала, а потом достала из погреба банку сметаны и кувшин молока.

— Это тоже возьми, — сказала она.

— Зачем? Мы и так продадим.

— Молоко быстрее уйдёт, — сказала бабушка. — И за сметаной всегда очередь.

Анюта не спорила.

Дедушка принёс старую тачку из сарая, проверил колесо, накачал. Тачка была деревянная, с облезлыми ручками — но крепкая.

— Утром помогу погрузить, — сказал он.

— Я сама.

Он посмотрел на неё. Промолчал. Это у него означало «хорошо».

В субботу они тронулись в семь ровно — Анюта с тачкой, Митька с Дашкой по бокам, Лёнька сзади с футбольным мячом под мышкой.

— Мяч зачем? — спросила Дашка.

— Просто, — сказал Лёнька.

— Ладно, — сказал Митька, поправляя лямку на плече.

— Ты ж сказала: для дела. Мы впряглись.

Анюта кивнула, но ничего не ответила. Ей было приятно.

Рынок был на площади у магазина: пять-шесть столов, навес от солнца, бабки с ягодами, дед с мёдом, тётка с домашними пирогами. Место нашлось в конце ряда.

Анюта расставила всё сама: молоко в кувшине в тень, сметана рядом, овощи горками. Редиска в пучках — их Дашка аккуратно перевязала травинками.

— Красиво, — сказала Дашка. — Купят точно.

Но первый час никто не подходил.

Люди шли мимо, смотрели на соседние столы, брали у тётки пироги. На них поглядывали — и шли дальше.

— Может, цену снизить? — сказал Митька.

— Нет, — сказала Анюта. — Подождём.

Она думала. Всё лежало правильно, всё было свежее.

Потом она увидела, как Лёнька гоняет мяч у забора.

Он ударял по нему, мяч отлетал от досок, Лёнька бежал следом. Несколько человек остановились посмотреть. Потом пошли дальше.

Анюта смотрела. Она заметила это ещё у забора: люди оглядывались на Лёньку. Он был громкий, его было видно. Если он будет шуметь у их стола — может, и на товар посмотрят.

— Лёнька, — позвала она.

Он подошёл, шмыгнул носом.

— Гоняй мяч вот здесь, — она показала. — Прямо у нашего стола. И громко считай.

— Зачем?

— Просто считай.

Лёнька пожал плечами и побежал обратно.

— Один! — крикнул он и ударил по мячу. — Два! Три!

Голос у него был звонкий. Дед с мёдом покосился. Тётка с пирогами подняла голову.

Люди стали оглядываться. Один мужчина свернул с прохода — посмотреть, чего шумят, — увидел стол с овощами и остановился.

— Это ваше?

— Наше, — сказала Анята.

— Молоко домашнее?

— Сегодня утром надоили.

Он взял кувшин, понюхал, поставил обратно.

— Литр дашь?

— Да.

Митька быстро нашёл стакан — отмерить. Анята пересчитала сдачу. Молоко перелили в его бутылку, которую он достал из сумки.

— Приходи в следующую субботу, — сказала Анята.

Мужчина усмехнулся и пошёл дальше.

После этого дело сдвинулось.

К молоку подошла женщина с девочкой, взяла сметану и редиску — сразу два пучка. Потом пришла бабка, долго шу-пала помидоры, но взяла. Потом двое мужиков купили огурцы — сразу кучей, на засолку.

Дашка записывала на бумажке, сколько денег приходит. Митька считал сдачу. Лёнька к обеду устал считать вслух и просто сидел на траве рядом и ел помидор, который Анята ему дала.

К двум часам на столе осталась одна банка сметаны и немного лука.

— Всё? — сказал Митька.

— Почти, — сказала Анята.

Она сложила деньги в карман и завязала узлом.

Домой шли медленно — тачка была лёгкой, почти пустой. Лёнька тащил свой мяч и спотыкался. Дашка несла пустой кувшин.

Анята пересчитала деньги ещё раз на ходу.

Не хватало. До насоса — не хватало.

Она остановилась.

— Что? — спросил Митька.

— Мало.

Митька заглянул в её ладонь.

— Ну, — сказал он. — Зато почти.

В носу защипало. Анята сжала деньги в кулак и пошла дальше.

Бабушка встретила их у калитки.

Анята протянула деньги молча.

Бабушка взяла, пересчитала. Посмотрела на Аняту.

— Толя, — позвала она. — Поди сюда.

Дедушка вышел из сарая. Вытер руки о штаны. Анята ска-

зала:

— Я знаю, что не хватает. Я ещё заработаю.

Дедушка посмотрел на деньги. Потом на неё.

— Хватает, — сказал он.

— Как?

— Мы отложили немного. Ждали только повода.

Анюта не сразу поняла.

— Ты заработала — мы добавили, — сказала бабушка. —

Твой рубль и ещё немного — как раз насос. Вместе хватит.

Три дня Анюта ходила мимо колодца и смотрела на ручкоятку ворота. На четвёртый приехал грузовик — дядька в кепке, в деревянном ящике привёз насос. Дедушка с соседом поставили его за час.

Анюта стояла рядом и смотрела.

Дедушка нажал на рычаг. Что-то загудело. Потом из шланга пошла вода — сначала толчками, потом ровно.

Дедушка провёл шланг по огороду. Вода зашипела между грядками.

Он не сказал ничего. Только поправил шланг ногой, чтобы лежал ровнее.

Анюта смотрела, как вода бежит к помидорам. Потом к огурцам. Земля темнела полосами.

Бабушка вышла с кружкой, встала рядом.

— Хорошо, — сказала она.

Анюта кивнула.

Тайна старого дуба

Анюта шла по тропинке, прижимая к груди блокнот с ручкой на резинке — тот самый, что помогал ей в поисках ба-
рашка Зорьки. Солнце припекало затылок, а в воздухе висел
густой запах нагретой травы и спелой малины. Где-то вдале-
ке тарахтел трактор, и этот звук то усиливался, то затихал,
будто кто-то играл с рычагом громкости.

— Сюда! — Митька махнул рукой из-за поворота. Он сто-
ял у огромного дуба, который возвышался над полем, как
сторож. — Видали, какой?

Дуб и правда был огромный. Ствол — в три обхвата, ко-
ра в глубоких трещинах, будто покрытая шрамами. Корни
выпирали из земли бугристыми узлами, а ветви раскинулись
так широко, что под ними можно было спрятаться от всего
мира. На одной из нижних веток висели разноцветные лен-
точки — красные, синие, жёлтые, — потрёпанные ветром и
дождём.

— Это что, игра какая-то? — спросила Анюта, подходя
ближе.

— Не знаю, — Митька пнул камешек. — Дашка сказала,
тут желания исполняются.

— Кто сказал? — Анюта подняла голову, разглядывая
ленточки.

— Бабушка её, — вмешалась Дашка, выходя из-за ствола.

— Говорит, если загадать желание и оставить дар у корней, дуб поможет.

— И что, работает? — скептически хмыкнул Митька.

— Моя бабушка никогда не врёт, — строго сказала Дашка и поправила косичку.

Лёнька, который до этого ковырял носком ботинка землю, вдруг сорвался с места и полез на дуб.

— Эй, осторожнее! — крикнула Анюта.

— Хочу проверить, — пропыхтел Лёнька, цепляясь за ветку. — Если тут магия, я должен её увидеть!

— Упадёшь — колени расшибёшь, — предупредил Митька. — Опять плакаться будешь.

— Не упаду! — Лёнька подтянулся, но нога соскользнула. Он ойкнул, схватился за ствол и, покраснев, спустился вниз.

— Ну... может, потом.

Ребята переглянулись и засмеялись.

— Ладно, — Анюта открыла блокнот и вытащила ручку. — Давайте проверим. Только по-честному: загадываем что-то важное и оставляем что-то взамен.

— Я хочу новый велосипед, — выпалил Лёнька.

— А что ты оставишь? — прищурилась Дашка. — У тебя же нет ничего.

— Есть! — Лёнька порылся в кармане и достал мятый фантик от конфеты, камушек и ржавый гвоздик. — Вот. Гвоздик точно ценный.

— Ну да, — хмыкнул Митька, — особенно если им ногу

проткнуть.

— Тише! — Анята записала в блокнот: «1. Лёнька: велосипед. Дар — гвоздик». — Теперь ты, Дашка.

— Я... — Дашка замялась. — Хочу научиться кататься на роликах. У нас во дворе есть пара штук, но они чужие.

— Дар?

— Цветок. — Дашка сорвала ромашку у корней дуба и положила рядом. — Если дуб не обидится, что она без корня...

Митька вздохнул.

— Ладно. Я хочу, чтобы дед разрешил мне самому косить траву. А дар... — он снял с шеи шнурок с маленьким свистулькой. — Дед сам сделал.

Анята записала и это. Потом задумалась.

— Я хочу... — она замолчала, подбирая слова. — Чтобы мы все лето играли вместе. И чтобы ничего не мешало. Дар... — она сняла с запястья плетённый браслет, который сплела сама. — Он красивый. И я его долго делала.

Они положили дары у корней, встали в круг и закрыли глаза.

— Дуб, помоги нам, — тихо сказала Анята. — Мы просим честно.

На следующий день ничего не произошло. Лёнька хмуро пинал камешки по дороге.

— Врёт ваша бабушка, — буркнул он. — Никакого велосипеда.

— Подожди, — сказала Анюта. — Может, нужно время?

— Время? — Митька скрестил руки. — Мы вчера загадали, а сегодня уже утро. Где мой допуск к косе?

— Может, дуб проверяет нас? — предположила Дашка. — Или мы что-то сделали не так?

— А может, это просто дерево, — отрезал Митька.

Анюта прикусила губу. Она чувствовала, что что-то упустили.

— Давайте ещё раз, — предложила она. — Но теперь сделаем по-другому. Не просто оставим дары, а... построим что-то для дуба.

— Что? — Лёнька поднял бровь.

— Шалаш! — выпалила Дашка. — Чтобы ему было уютнее. И чтобы мы показали, что стараемся.

Они взялись за дело сразу после завтрака. Митька нашёл несколько длинных жердей, Анюта собрала ветки потоньше, Дашка нарвала травы для крыши, а Лёнька бегал туда-сюда, таская всё, что попадалось под руку: старую корзину, кусок мешковины, даже сломанную лопату.

— Это зачем? — Митька уставился на лопату.

— Для красоты! — заявил Лёнька. — И чтобы дуб знал, что мы серьёзно.

Строительство шло не гладко:

· жерди падали на ноги (Лёнька охал, но терпел);

· мешковина оказалась слишком тяжёлой для крыши

(Дашка чуть не свалилась с небольшой высоты);

· Анюта зацепилась платьем за сук и порвала подол (но только вздохнула и завязала ткань узлом);

· Митька, пытаясь укрепить конструкцию, сломал одну из жердей (и выругался сквозь зубы, но тут же извинился перед дубом).

Когда шалаш был готов, он напоминал скорее гнездо великана, чем уютное убежище. Но ребята стояли и смотрели на него с гордостью.

— Теперь точно работает, — уверенно сказала Дашка.

Прошло три дня. Ничего не менялось. Лёнька уже начал ворчать, что пора забыть про дуб и пойти играть в футбол, когда утром к калитке дедушкиного дома подъехал грузовик. Из него вылез дядя Гриша, сосед, и крикнул:

— Анатолий Петрович, я тут старый велик нашёл. Если внук твой хочет, пусть забирает — только подправить немножко.

— Велосипед! — заорал Лёнька, выскакивая из-за угла. Он забыл про все обиды и помчался к машине.

В тот же день дед Митьки, проходя мимо, бросил:

— Внук, если хочешь, бери косу. Только смотри, не порежься.

Дашка прибежала во двор с роликами в руках — их отдала старшая сестра подруги.

— Она говорит, они ей малы, — тараторила Дашка. — Представляете?

Анюта стояла у дуба и смотрела на шалаш. Браслет, кото-

рый она оставила, исчез — вместо него на земле лежал маленький жёлудь. Она подняла его и улыбнулась.

Вечером они снова собрались у дуба.

— Получается, — медленно сказала Анюта, — дуб не просто исполняет желания. Он... помогает, когда мы сами что-то делаем.

— То есть если бы мы просто положили дары и ждали, ничего бы не вышло? — уточнил Митька.

— Наверное, нет. — Анюта посмотрела на шалаш. — Мы старались, строили, помогали друг другу. И тогда всё получилось.

— Значит, магия — это когда мы вместе? — шмыгнул носом Лёнька.

— Да, — улыбнулась Дашка. — И когда верим.

Дедушка Анатолий, который незаметно подошёл к ним, положил руку на плечо Анюте.

— Вы всё поняли правильно, — сказал он тихо. — Дуб тут ни при чём. Главное — вы. И то, что вы готовы трудиться ради своих желаний.

Бабушка Людмила вышла из дома с корзиной пирожков.

— Ну что, волшебники, — засмеялась она, — идёмте чай пить. А то я весь день пироги пекла — тоже своего рода магия.

Ребята засмеялись и пошли за ней. Анюта оглянулась на дуб. Ветви слегка покачивались, будто кивали им вслед. Или это просто ветер играл листьями?

Она открыла блокнот и записала последнюю строчку:

«10 июня. Мы построили шалаш. И поняли, что настоящая магия — это дружба и труд. А дуб... он просто хороший свидетель».

Конец.

Поиски клада

Утро выдалось сырое. Анята вышла на крыльцо и ступила босой ногой на ступеньку — та оказалась холодной и влажной от росы. Трава внизу блестела, будто её посыпали битым стеклом. Где-то за сараем скрипел насос: дедушка набирал воду.

Анята спустилась во двор, вытерла ноги о траву и пошла к калитке. Там уже топтались Митька, Дашка и Лёнька. Митька пинал камешек, Дашка теребила край футболки, а Лёнька шмыгал носом и тёр глаза — видно, только проснулся.

— Ну что, — Анята вытащила из-за пазухи пожелтевший листок, — будем искать? — А точно он тут зарыт? — Лёнька подошёл ближе, вытянул шею. — Может, это просто бумажка? — Бабушка сказала, что прадед её, дед Игнат, перед войной что-то спрятал у старого колодца, — Анята разглядела карту на колене. — И оставил вот это.

Она развернула бумагу. Чернила выцвели до рыжего, линии местами расплылись. Нарисовали кривую берёзу, колодец с крестиком рядом, три куста шиповника — один обведён кружком, и стрелку к большому камню у забора.

— Выглядит как детская шутка, — Митька ткнул пальцем в карту. — Или как игра. — Может, и игра, — Анята сложила листок пополам. — Но попробовать стоит.

Они пошли к берёзе. Та и правда стояла кривая, будто её

когда-то сильно наклонило ветром. Анюта встала у ствола, посмотрела на солнце, потом влево. — «Три шага на север», — пробормотала она и отсчитала шаги. — А если север там? — Лёнька ткнул пальцем в другую сторону. — Солнце встаёт на востоке, — вздохнула Дашка. — Значит, если встать к нему лицом, север будет слева. — Учёная, — буркнул Митька, но пошёл за Анютой.

Земля здесь была чуть мягче, а трава — примята. Анюта присела на корточки и провела рукой по грунту. Под пальцами что-то хрустнуло. Она осторожно раскопала пальцами землю и вытащила обломок деревянной дощечки. На нём виднелись остатки краски — синие и жёлтые пятна. — Смотрите, — она протянула находку. — Может, кто-то уже копал? — предположил Лёнька. — Или животные, — добавила Дашка. Митька взял дощечку, повертел в руках. — Не похоже, — сказал он. — Слишком ровно сломано. Как будто от чего-то.

От берёзы они двинулись к колодцу. Сруб почернел от времени, крышка была прислонена к боку. Рядом, в метре, чернел крестик на карте. — Копать здесь? — Митька поднял лопату, которую принёс с собой. — Подожди, — Анюта огляделась. — Смотрите: земля у колодца примята, но не везде. А вот тут, у края, следы.

Она указала на отпечатки ног — один чёткий, взрослый, другой мелкий, детский. — Кто-то уже приходил, — прошептала Дашка. — И что-то нашёл? — Лёнька сглотнул. —

Или искал, — Анюта провела пальцем по краю сруба. — Но не здесь. Карта говорит: «от колодца к шиповнику».

Кусты росли неподалёку. Тот, что был обведён кружком, рос чуть в стороне. Листья на нём были темнее, а шипы длиннее. — Тут тоже следы, — Митька присел. — И земля рыхлая. — Но ничего нет, — вздохнул Лёнька.

Анюта опустила на колени и начала аккуратно разгребать листья. Под ними что-то блеснуло. Она вытащила ржавую железную пуговицу с гербом. — Не клад, — разочарованно протянул Лёнька. — Но след, — Анюта положила пуговицу в карман. — Кто-то здесь был. И искал то же, что и мы.

Они двинулись к забору. Камень лежал там, как и было отмечено на карте, — большой, плоский, поросший мхом с одной стороны. Анюта обошла его, провела рукой по поверхности — на ней были царапины, будто кто-то пытался сдвинуть. — Давайте попробуем, — предложила Дашка.

Вчетвером они налегли на камень. Он сдвинулся с глухим скрипом, обнажив яму. В ней, на глубине полуметра, лежал деревянный ящик — потемневший, но целый. Крышка была прибита гвоздями, а сбоку виднелась надпись: «*Для тех, кто найдёт*».

— Клад! — заорал Лёнька и чуть не прыгнул в яму. — Осторожно, — Митька схватил его за майку. — Давай верёвку.

Они привязали верёвку к ручке, осторожно вытащили

ящик и поставили на траву. Анюта взялась за край крышки. Гвоздь скрипнул, поддался не сразу. Она потянула сильнее — он вылез с тихим треском.

Крышка откинулась. Внутри лежали:

старая жестяная коробка с монетами — некоторые потемнели, другие блестели тускло;

потрёпанная книга в кожаном переплёте — *«География для гимназистов»*, 1912 год, корешок потрескался;

фотография в рамке — молодой мужчина в военной форме, с улыбкой, и рядом — женщина с ребёнком на руках;

конверт с сургучной печатью, без надписи;

мешочек с засушенными цветами — лепестки уже осыпались, но запах ещё чувствовался: что-то травяное, горьковатое.

Все замолчали. Лёнька приоткрыл рот, Дашка медленно протянула руку к фотографии, Митька замер, глядя на ящик.

— Это не золото, — тихо сказал Митька. Никто не ответил.

Они отнесли ящик в дом. Дедушка Анатолий посмотрел на находки, провёл пальцем по фотографии и улыбнулся. Потом кашлянул, опустил глаза и снова поднял взгляд. — Дед Игнат, — сказал он. — Мой прадед. Он и правда всё спрятал перед войной. Боялся, что разграбят. А потом не успел вернуться — погиб под Смоленском.

Он взял фотографию, повертел в руках, положил обратно. — Спасибо, — добавил он тихо. — Что нашли.

Бабушка Людмила достала из ящика книгу, открыла её на первой странице. Там было написано от руки: *«Анатолию, когда вырастет. Береги дом»*.

Анюта закрыла блокнот, который держала на коленях. Она не стала записывать мораль — просто запомнила этот момент: запах старого дерева и сухих цветов, скрип гвоздя, тишину после того, как крышка откинулась, и лицо дедушки, когда он увидел фотографию.

Вечером, когда солнце опустилось к верхушкам берёз, Анюта вышла на крыльцо. Жюлька дремала у будки, Васька сидел на заборе и следил за мухами. Где-то вдалеке лаяла собака, а из кухни доносился запах пирога — бабушка решила испечь что-то сладкое.

Анюта улыбнулась. Клад нашёлся. И он был больше, чем золото.

Конец.

Малиновый день

Васька сидел на подоконнике и смотрел во двор. Хвост у него свешивался вниз и чуть подрагивал на конце. Анята приоткрыла глаза, потянулась и села на кровати. Сквозь щель в ставне пробивался солнечный луч — он дрожал на стене, будто живая ниточка.

Она соскользнула с кровати, подбежала к окну и распахнула его. Воздух пах землёй, травой и чем-то сладким. Анята втянула носом — и сразу поняла: малина.

За забором, у старой изгороди, краснели кусты. Ягоды висели гроздьями, тяжёлые, налитые. Некоторые лопнули от спелости — сок капнул на лист, оставил тёмное пятно.

Бабушка Людмила стояла у кустов с корзинкой в руках. На ней был тот самый фартук в мелкий цветочек. Она наклонялась, срывала ягоды и складывала их в корзину.

— Бабуль! — Анята выскочила на крыльцо босиком. — Можно я помогу?

— Можно, — бабушка выпрямилась, вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Только осторожно: там колючки. И не объешься раньше времени.

Анята подбежала к кустам. Ветви переплетались, шипы торчали во все стороны. Она протянула руку, сорвала ягоду и положила в рот. Сок брызнул — сладкий, с лёгкой горчинкой у хвостика.

— Ух ты! — выдохнула она.

Они работали рядом: бабушка — быстро и ловко, Аня — осторожно, стараясь не уколоться.

— Смотри, — показывала бабушка, — бери снизу, а не сверху. Так меньше шансов зацепиться. И не мни ягоды, клади аккуратно.

Аня кивала, но всё равно пару раз укололась. Пальцы стали липкими от сока, на майке появилось несколько малиновых пятен.

— Ничего, — махнула рукой бабушка. — Отстирается. Зато какая ягода! В этом году особенно сладкая.

Где-то за сараем заскрипел насос — дедушка Анатолий набирал воду для полива. Жюлька дремала у будки, время от времени вздыхая.

— Бабуль, а можно я Дашке позвоню? — Аня вытерла руку о траву. — Пусть тоже придёт! И Митьку, и Лёньку!

— Звони, — улыбнулась бабушка. — Чем больше рук, тем быстрее управимся. Да и веселее.

Аня бросилась к дому, перепрыгивая через ступеньки. Набрала номер Дашки.

— Даш! Малина пошла! Приходи — и Митьку с Лёнькой зови!

— Сейчас! — раздался в трубке голос Дашки. — Бегу!

Через полчаса на дороге показались ребята. Митька нёс старую лейку — «чтобы руки не пачкать», Дашка тащила ведро, а Лёнька бежал впереди, размахивая пустым пакетом.

— Где?! — заорал он ещё издалека.

— Тут! — Анята махнула рукой. — Только осторожнее, колючки!

— Грабли, — буркнул Митька, разглядывая кусты. — Как в них лазить?

— Аккуратно, — Дашка уже сорвала ягоду и отправила её в рот. — Ммм...

— А я вот так, — Лёнька попытался схватить сразу гроздь, но шипы впились в ладонь. — Ай!

— Говорила же! — Анята засмеялась. — Надо снизу. Вот, смотри.

Она показала, как правильно брать ягоды. Лёнька попробовал снова — на этот раз получилось. Он торжествующе поднял руку с тремя целыми ягодами.

— Есть!

Они собирали уже час, когда Митька выпрямился и глянул через забор.

— Гляньте.

Все повернули головы. За забором Кузьмичёвых, в углу их огорода, темнели кусты — высокие, густые, усыпанные малиной. Ветки гнулись от тяжести.

— Вот это да, — выдохнул Лёнька. — Там больше, чем у вас!

— Ага, — сказал Митька. — Только это к Кузьмичам. Чужое.

Повисла пауза. Лёнька переступил с ноги на ногу.

— Может, попросим? — сказала Дашка.

Митька пожал плечами.

— Кузьмичиха вредная. В прошлом году даже яблок не дала.

Анюта смотрела на малину. Ягоды висели спелые, некоторые уже осыпались на землю — тёмные точки в траве. Если не собрать — пропадут.

— Я спрошу у дедушки, — сказала она.

Дедушка Анатолий как раз шёл от колодца с ведром. Остановился, выслушал. Посмотрел на малину за забором. Потёр подбородок.

— Иван Кузьмич нормальный мужик, — сказал он. — Иди спроси.

— Я? — Анюта моргнула.

— Ты. Ягоду ты видишь — тебе и договариваться.

Анюта набрала воздуха, вытерла липкие пальцы о майку и пошла к калитке Кузьмичёвых. Ребята стояли у забора и смотрели. Дедушка не уходил — стоял, опершись на ведро.

Дверь открыла Кузьмичиха — высокая, в тёмном платке. Смерила Анюту взглядом.

— Чего тебе?

— Здравствуйте. Там у вас малина. — Анюта кивнула в сторону огорода. — Она уже сыплется. Можно мы соберём? Мы варенье варим. И вам отнесём.

Кузьмичиха прищурилась.

— Чьих будешь?

— Я Анюта. Внучка Анатолия Петровича.

Кузьмичиха помолчала. Потом глянула в сторону огорода

— туда, где темнели кусты, — и махнула рукой.

— Ладно. Собирайте. Только под корень не вытопчете.

— Не вытопчем! — крикнула Анюта уже на бегу.

Ребята рванули к кустам. Лёнька лез первым, Митька держал ветки — в этот раз граблями, — Дашка подставляла ведро. Руки мелькали, ягоды сыпались. Даже Кузьмичиха, вышедшая на крыльцо, смотрела на них и не говорила ни слова — только уголок рта у неё чуть дрогнул.

Через сорок минут вёдра были полны до краёв. Пакеты раздулись. Анюта оглядела кусты — чистые, ни одной спелой ягоды не осталось. И ни одной ветки не сломано.

— Всё, — выдохнула она. — Теперь точно всё.

В этот момент вдалеке громыхнуло. Все подняли головы. С запада, из-за леса, напоззала туча — сизая, плотная, с рваными краями.

— Гроза, — тихо сказала Дашка.

— Успели, — выдохнул Митька.

Они потащили вёдра к дому почти бегом. Бабушка уже стояла на крыльце и тревожно поглядывала на небо. Увидела ведро — и всплеснула руками.

— Это откуда ж столько?!

— От Кузьмичёвых, — Анюта поставила ведро у порога. — Я договорилась. Они разрешили. Мы им отнесём, когда варенье будет готово.

Бабушка посмотрела на Анюту. Потом на дедушку — тот как раз подходил от колодца, — и улыбнулась.

— Ну даёте.

Она вынесла кувшин с холодным квасом и нарезанный хлеб. Они пили квас и смотрели, как первые капли дождя разбиваются о пыльную дорогу. Жулька попятилась в будку. Васька спрыгнул с забора и исчез под крыльцом.

Дедушка Анатолий подошёл к ведру, взял одну ягоду — крупную, тёмно-красную, — покрутил в пальцах.

— Добро, — сказал он и отправил её в рот.

Вечером за окнами лило. Дождь барабанил по крыше, и в доме было тепло и тихо. На плите в большой кастрюле пенилось малиновое варенье. Запах стоял такой, что даже Васька, обычно равнодушный ко всему, кроме мышей, пришёл на кухню и сел у порога.

Анюта помешивала варенье длинной деревянной ложкой. Дедушка сидел рядом и следил, чтобы не пригорало.

— Когда кипит — мешай, — говорил он. — А когда пена поднимается — снимай. Поняла?

— Поняла, — говорила Анюта и мешала.

Бабушка разливала готовое варенье по банкам и подписывала крышки: «Малина. Июль».

Когда всё было готово, дедушка отставил последнюю кастрюлю и выпрямился.

— Завтра отнесём Кузьмичам, — сказал он. — Я лично.

Дождь за окном стихал. В разрыве туч показалась первая

звезда.

Анюта вышла на крыльцо. Мокрые доски блестели в темноте. Воздух пах озоном и мокрой травой. С кухни доносился голос бабушки — она что-то напевала, убирая банки в буфет.

Дедушка вышел следом. Постоял молча, глядя на небо.
— Хороший день, — сказал он.

Анюта кивнула. Он положил ладонь ей на макушку — на секунду, как в тот раз с барашком, — и ушёл в дом.

Она ещё постояла немного. Где-то вдалеке, за Кузьмичёвыми огородами, мигала зарница. Васька вылез из-под крыльца, отряхнулся и запрыгнул Анют на колени.

Бабушка поставила рядом чашку с вареньем и ложку.
— Попробуй.

Анюта зачерпнула, подула и отправила ложку в рот. Варенье было горячим, липло к губам и пахло дымом от летней кухни.

Она облизнула ложку и посмотрела на небо. Первые звёзды уже зажглись — маленькие, яркие, как малиновые зёрна.
Конец.

Праздник воды

Анюта проснулась от стука. Негромкого, но чёткого — *тук-тук-тук*. Она приоткрыла глаза, повернулась к окну. Дождь барабанил по стеклу, стекал струйками, собирал капли на подоконнике.

Васька сидел на подоконнике — хвост свесился вниз, кончик подрагивал. Он не шевелился, только глаза медленно поворачивались вслед за каплями.

— Дождь, — прошептала Анюта.

Она вскочила с кровати, подбежала к окну и прижалась лбом к стеклу. За забором всё было серым: трава, дорожка, сарай. Только кусты смородины у калитки ещё держали остатки зелени.

— Бабуль! — крикнула она в сторону кухни. — Дождь!

— Вижу, — донёсся голос бабушки Людмилы. — И что?

— Мы же договаривались! — Анюта уже натягивала резиновые сапоги на босые ноги. — Если пойдёт дождь — бежим на улицу!

Бабушка выглянула из кухни, вытирая руки о фартук:

— Там же льёт.

— В этом и смысл!

Бабушка вздохнула, но улыбнулась:

— Ну, беги. Только не простудись.

Анюта выскочила на крыльцо. Холодные капли тут же уда-

рили по макушке, скатились за шиворот. Она засмеялась и шагнула в лужу — вода брызнула во все стороны.

Дедушка Анатолий вышел из сарая, услышав шум. В руке — молоток, на плече — мешковина.

— Ты чего орёшь на весь двор?

— Дедушка! Я к ребятам! Можно? — она топнула ногой, снова подняв брызги.

Дедушка посмотрел на небо, на капли, на её горящие глаза. Потом перевёл взгляд на лужу, которая уже натекала под навес сарая.

— Ладно, — кивнул он. — Только сапоги не снимай. И приходи, когда замёрзнешь.

— Спасибо! — она чмокнула его в щёку и помчалась к калитке.

Через десять минут она уже стучала в окно Дашки. Та выглянула — в руках чашка с чаем, волосы заплетены в косу.

— Ань? Ты что, с ума сошла? Мокрая вся!

— Дождь! — закричала Аня, перекрикивая шум. — Бери сапоги, плащ — и выходи!

— Сейчас! — Дашка исчезла, а через минуту выскочила в жёлтом дождевике и сапогах по колено. — А Митька с Лёнкой?

— Я к ним!

Митька открыл дверь сам — стоял на пороге с гаечным ключом в руке, хмурился.

— Чего орёшь?

— Дождь! — Анюта запыхалась. — Бери всё мокрое, что есть, и выходи.

— Грабли, — буркнул Митька, но сапоги схватил. — А Лёнька где?

— У него, — Дашка показала на соседний дом.

Лёнька открыл не сразу — видно, спал. Но когда услышал про дождь, глаза у него загорелись.

— Обливаться? — переспросил он. — Точно?

— Точно! — хором ответили остальные.

Они собрались у дороги, где вода собиралась в длинную канаву.

— Кораблики! — предложила Дашка. — У меня есть коробка от обуви.

— У меня — пластиковые бутылки, — добавил Митька. — Сделаем лодки с парусами.

— Отлично! — Анюта хлопнула в ладоши. — Берите всё и к сараю. Там под навесом не так льёт.

Они спрятались под крышей. Митька достал нож, разрезал бутылки. Дашка рвала коробку на полоски, Лёнька привязывал нитки к парусам. Анюта нашла старую линейку — будет мачта.

Через десять минут флот был готов. Они высыпали на улицу и опустили кораблики в канаву. Те покачались, потом подхватились потоком и поплыли — один за другим.

— Мой красный обгоняет! — заорал Лёнька и побежал следом.

— Нет, мой синий! — Митька бросился за ним.

— Осторожно! — крикнула Дашка, но было поздно: Митька поскользнулся и плюхнулся в лужу. Все замерли. Митька сел, отряхнул руки, потом засмеялся:

— Ну и ладно. Всё равно мокрый.

— Тогда и я! — Дашка шагнула в лужу, подняла брызги.

— И я! — Анята прыгнула рядом.

— И я! — Лёнька запрыгнул в центр и начал топтать, поднимая целые фонтаны.

Дождь тем временем усилился. Канавка переполнилась, вода потекла в сторону огорода.

— Смотрите! — Дашка указала на грядку с морковкой.

— Она же размоется!

— Точно, — Анята нахмурилась. — Надо отвести воду.

— Канавку прокопать, — предложил Митька. — От огорода в сторону.

— Лопаты! — Анята помчалась к сараю.

Они нашли две старые лопаты и начали копать. Земля была мягкой от дождя, поддавалась легко. Митька рыл впереди, Анята отбрасывала комья, Дашка выравнивала край, Лёнька носил камни, чтобы укрепить бортик.

На пятой минуте лопата у Митьки хрустнула. Черенок треснул пополам — одна половина осталась в руке, другая торчала из земли.

— Грабли, — выдохнул Митька.

— Копай моей, — Анята протянула ему вторую. — Я ру-

ками.

Митька кивнул и снова взялся за работу. Анята присела на корточки и принялась отгребать грязь ладонями. Земля была холодная, скользкая, забивалась под ногти.

Потом вода пошла не в ту сторону. Вместо того чтобы течь к забору, она развернулась и хлынула обратно к грядке.

— Не туда! — закричал Лёнька и прыгнул прямо в канаву, пытаясь перегородить воду собой. Канавка была ему по колено, но поток оказался сильнее, чем он думал: Лёнька пошатнулся и плюхнулся в грязь. Вода тут же обогнула его и потекла дальше.

— Давление, — сказал Митька, отбросил лопату и присел на корточки. — Надо углубить здесь. И камень.

Он показал на точку, где вода поворачивала не туда. Анята подтащила камень — тот самый, что Лёнька принёс раньше, — и Митька вдавил его в дно канавы. Дашка подровняла край лопатой.

— Давай! — скомандовал Митька.

Лёнька вылез из канавы — весь в грязи, но улыбающийся. Вода ударилась о камень, заколебалась — и послушно свернула в новое русло. Потекла к забору, не трогая грядку.

Все выдохнули.

— Получилось, — сказала Дашка.

— Ура, — выдохнул Лёнька уже без крика, просто сел на мокрую траву и улыбался.

Бабушка Людмила давно стояла у окна. Она смотрела на

них через стекло — на мокрых, грязных, с поломанной лопатой и спасённой грядкой, — но не выходила. Понимала: это их мир. Их работа. Их победа.

Дедушка вышел на крыльцо первым. Молча оглядел новую канаву — ровную, с каменным бортиком, — потом грядку с морковкой, целую и невредимую. Подошёл ближе, присел на корточки, потрогал пальцами камень.

— Крепко, — сказал он.

Потом посмотрел на Митьку. На сломанную лопату. На Лёньку в грязи.

— Ну, — сказал он и выпрямился. — В дом. Все.

— Ура! — в третий раз за день закричал Лёнька, и на этот раз его поддержали.

В доме было тепло. Они сняли сапоги, развесили плащи на верёвке у печки. Бабушка поставила на стол чашки, нарезала пирог с капустой.

— Пейте, — сказала она. — И рассказывайте.

Они пили горячий чай, откусывали мягкий пирог, смеялись и перебивали друг друга:

— А Митька упал!

— Зато лопата сломалась!

— А Лёнька канаву собой перегородил!

— А кораблики плыли, плыли...

Дедушка сидел рядом, улыбался и подливал им чай. Васька залез на колени к Анюте, замурлыкал. Жулька улеглась у печки и закрыла глаза.

Когда чашки опустели, Анята подошла к окну. Дождь уже стихал, капли стали реже. В разрыве туч показалось солнце — оно осветило мокрую траву, лужи, канаву с водой и кораблики у забора.

— Красиво, — сказала Дашка, встав рядом.

— Да, — кивнула Анята. — Праздник удался.

Она облизнула ложку, на которой осталось немного малинового варенья, и посмотрела на небо. Солнце пробивалось сквозь тучи, и первая радуга выгнулась дугой над огородом.

Дедушка подошёл сзади, протянул руку и взъерошил мокрые волосы внучки.

— Хороший день, — сказал он.

Конец.

Звёздная рыбалка

Анюта сидела на крыльце, поджав ноги, и смотрела вверх. Небо было огромным — не таким, как в городе, где звёзды прячутся за фонарями, а по-настоящему огромным, до края земли. Воздух пах скошенной травой и спелой смородиной, где-то вдалеке стрекотали кузнечики.

Дедушка Анатолий чинил сеть у сарая. Пальцы двигались медленно, привычно.

— Дедушка, — тихо позвала Анюта, — а правда, что есть такая рыбалка, когда ловят не рыбу, а звёзды?

Дедушка поднял голову.

— Есть, внучка. В старину так делали в июле, когда ночи самые ясные. Говорили, что если поймать отражение звезды в ведре — она принесёт удачу до следующей весны.

— И как это делают?

— Да просто. — Дедушка отложил сеть. — Берёшь ведро, идёшь к реке, ставишь его так, чтобы в воде отражались звёзды, и ждёшь. Кто увидит первую падающую звезду — тот и победил. Но главное не в победе.

— А в чём?

Дедушка помолчал, глядя на небо.

— В том, чтобы смотреть вместе.

Анюта побежала к ребятам.

Митька ещё не спал — сидел во дворе с фонариком, чи-

нил велосипедную цепь. Дашка плела веночек из полыни на скамейке у калитки — говорила, что он отгоняет комаров. Лёнька уже спал, свернувшись прямо на траве, подложив под голову мяч.

Анюта потрясла его за плечо.

— Вставай. Звёздная рыбалка.

Лёнька приоткрыл один глаз.

— Какая ещё рыбалка? Ночью не клюёт.

— Не рыбу. Звёзды. Надо идти к реке.

— А приз будет? — Митька отложил гаечный ключ.

— Дедушка обещал лепёшки с мёдом.

— Тогда я в деле. — Митька поднялся и отряхнул колени.

Они собрали снаряжение. Анюта взяла старое эмалированное ведро с отбитым краем — «самое лучшее для отражений». Митька — фонарик и верёвку, чтобы отметить место. Дашка — плед. Лёнька — банку с крышкой.

— А если поймем звезду? — шмыгнул носом Лёнька. — Куда её?

— В банку, — серьёзно сказала Дашка. — Потом отпустим.

— Конечно, — кивнул Митька. — Мы же не варвары.

Они шли по тёмной деревне. Фонари не горели — сэкономили электричество. Но звёзды светили так ярко, что тропинка угадывалась без фонаря. В траве стрекотали сверчки, воздух был тёплым и густым от запаха луговых цветов.

Жулька увязалась следом — выскользнула из будки и

семенила рядом, иногда останавливаясь и принюхиваясь к ночным запахам.

— Смотрите, — Анята подняла руку. — Большая Медведица. Дедушка говорил, что если найти её ручку, можно увидеть Полярную звезду.

— Где? — Лёнька задрал голову и чуть не упал в канаву. Митька поймал его за майку.

— Вот, — Дашка показала. — Почти над берёзой.

— А вон там Млечный Путь, — Митька ткнул пальцем. — Как молоко пролили.

Жулька вдруг остановилась, подняла морду и завывала — тихо, протяжно.

— Чего это она? — шёпотом спросила Дашка.

— На луну, — сказал Митька.

— Луны сегодня нет, — заметила Дашка.

Жулька перестала выть, подошла к Аняте и ткнулась носом в ладонь.

— Ладно, — вздохнула Анята. — Пойдём. Только тихо.

Река лежала перед ними — гладкая и чёрная, как стекло. В воде отражались звёзды, и казалось, что под ногами — второе небо. Где-то в камышах квакнула лягушка и сразу замолчала.

Они выбрали место у старой ивы, где вода была особенно спокойной. Митька воткнул в берег палку с верёвкой — «чтобы не потерять место». Дашка расстелила плед. Лёнька поставил банку рядом. Анята осторожно опустила ведро в

воду — оно покачалось, по воде пошли круги, звёзды задрожали и снова замерли.

Сели. Молчали.

Ночь была тёплой, но у воды тянуло прохладой. Дашка накинула плед на плечи — половину себе, половину Аняте. Митька сидел на корточках у ведра и следил, чтобы верёвка не ослабла. Лёнька лёг на спину, закинул руки за голову.

— Ух ты, — выдохнул он.

Звезда сорвалась и прочертила небо — быстро, наискосок. След погас раньше, чем кто-то успел сказать слово.

— Видели?! — Лёнька сел.

— Видели, — сказала Анята.

— Значит, удача будет, — кивнул Митька.

Через минуту упала ещё одна. Потом ещё.

— Давайте желания загадывать, — предложила Дашка.

Они загадали — про себя, молча. Только Лёнька, как всегда, не выдержал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.